

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б.Н. Ельцина»

На правах рукописи

Рябцева Екатерина Сергеевна

**ФРАЗЕОЛОГИЗАЦИЯ: ФАКТОРЫ И ЭТАПЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТОВ И СОЦИОЛЕКТОВ)**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Екатеринбург – 2021

Работа выполнена на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Рут Мария Эдуардовна

Официальные оппоненты: **Коновалова Надежда Ильинична**, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (г. Екатеринбург), профессор кафедры общего языкознания и русского языка
Никитина Татьяна Геннадьевна, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», профессор кафедры образовательных технологий
Подюков Иван Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», профессор кафедры общего языкознания, русского и коми-пермяцкого языков и методики преподавания языков

Защита состоится «10» ноября 2021 г. в 12.00 на заседании диссертационного совета УрФУ 10.02.21 по адресу: 620000, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, зал диссертационных советов, комн. 248.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»: <https://dissovet2.urfu.ru/mod/data/view.php?d=12&rid=2831>.

Автореферат разослан «___» октября 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Т. М. Воронина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научная традиция изучения фразеологического состава языка насчитывает более полувека. За это время сформировались такие направления его исследований, как этимологическое, когнитивное, культурологическое, социолектное (объектом которого является фразеология разных форм существования языка); ведется рассмотрение современных процессов, происходящих в области устойчивых единиц, а также анализ фразеологических модификаций и авторской фразеологии.

В широком понимании фразеологический состав языка представляет собой набор устойчивых словосочетаний. Попытки сузить и конкретизировать объект фразеологического изучения терпят неудачу в силу большого разнообразия неоднословных устойчивых единиц, их «мутабельности» и взаимодействия между их классами. В итоге можно говорить о закономерностях, справедливых для той или иной части устойчивых единиц.

В литературном языке речь идет о традиционно сложившемся, отшлифованном в процессе формирования (хотя, безусловно, и меняющемся с течением времени) фразеонимиконе, для диалектной и социолектной фразеологии мы также предполагаем наличие некоей традиции, действие которой ограничено локально или социально. Однако традиция формируется с течением времени, сохраняя те элементы, которые оказались в силу различных обстоятельств значимыми для данной культурной среды.

Предлагаемое исследование посвящено рассмотрению фразеологии с точки зрения генезиса ее единиц в аспекте факторов, способствующих закреплению выражения, источников возникновения устойчивых словосочетаний и стадий их закрепления.

Актуальность диссертационного исследования определяется вниманием современной лингвистики к человеческому фактору в языке, отражению в нем социокультурных и когнитивных процессов. Данная работа обращается к фразеологии с точки зрения представления в ней результатов социальных

взаимодействий и отношений и результатов осмысления и оценки окружающей действительности. Кроме того, фразеология обладает уникальной связью между планом выражения и планом содержания, заключающейся в своего рода «двуситуативности», что представляет интерес с точки зрения выявления наиболее актуальных идеограмм, получающих экспрессивную оценку, а также образов, наиболее активно используемых в разных типах социумов (в данном случае имеются в виду условно-деревенский, близкий традиционной культуре диалектный социум и условно-городской социум, являющийся носителем литературного языка и его фразеологии).

Степень разработанности темы определяется фондом российских и зарубежных исследований, составивших теоретическую базу данной работы:

– труды по теории фразеологии, классифицирующие ее и выявляющие свойства ФЕ, а также ставящие вопрос об объеме фразеологии и ее источниках ([Виноградов 1977а, б]; [Шанский 2010]; [Архангельский 1972]; [Ларин 1956]; [Жуков 1986]; [Молотков 1977]; [Мокиенко 1980]; [Баранов, Добровольский 2008]; [Телия 1996]; [Алефиренко 2009] и др.);

– исследования, посвященные пограничным с идиоматикой областям: устойчивым сравнениям ([Wysoczański 2006]; [Ковшова 2016]), крылатым словам ([Баранов, Добровольский 2008]; [Chlebda 2010] и др.);

– работы, посвященные фразеологической идеографии ([Ивашко 1981]; [Мокиенко 1995]; [Никитина 1995] и др.);

– работы, посвященные фразеологии в лингвокультурологическом аспекте ([Верещагин, Костомаров 2005]; [Телия 1999]; [Ковшова 2016]; [Piirainen 2008] и др.);

– работы, рассматривающие фразеологию в когнитивном ключе ([Ковалева 2004]; [Андрейченко 2018]; [Высочаньски 2018]; [Жаналина 2019] и др.);

– работы, посвященные фразеологическим модификациям и функционированию ФЕ в дискурсе ([Bařa 2009]; [Fojtů 2011]; [Архангельская 2012]; [Божко 2015]; [Мелерович, Мокиенко 2014]; [Мокиенко 2014]; [Третьякова

2010, 2018]; [Ефанова 2005, 2006]; [Калёнова 2016]; [Дидковская 2018]; [Никитина 2018] и др.);

– работы, исследующие фразеологию различных форм существования языка ([Ивашко 1981]; [Кобелева 2007, 2012]; [Подюков 2012]; [Гридина, Коновалова 2017]; [Мокиенко, Никитина 1999]; [Вальтер 2008]; [Никитина 2019]; [Андреев 2009а, б]; [Семенова 2006] и др.).

Объектом работы являются фразеологические единицы русского языка в различных формах его существования (общенародный язык, территориальный диалект, социолект как язык социальной микрогруппы). Обращение к общенародному языку позволяет исследовать сложившиеся и закреплённые в словарях ФЕ, а изучение фразеологии в региональном и социальном аспектах (для которых такое закрепление не является релевантным) позволяет в ряде случаев проследить динамическую картину становления и постоянного изменения фразеологического фонда, а также при сопоставительном анализе четче выделить факторы, влияющие на фразеологизацию.

Предметом работы служит процесс фразеологизации и факторы, влияющие на закрепление в узусе тех или иных неоднословных единиц.

Цель исследования: выявить факторы фразеологизации и этапы закрепления фразеологической единицы в языке.

В соответствии с целью работы ставятся следующие исследовательские **задачи:**

1. Выявить основные параметры фразеологической единицы, обозначить проблемные зоны фразеологического состава языка и определить классы единиц, которые будут признаны фразеологическими в рамках данной работы.
2. Выявить наиболее активные для фразеологии русского общенародного языка и территориального диалекта тематические сферы.
3. Проанализировать план выражения ФЕ с точки зрения наиболее используемых ситуаций и образов.
4. Выявить закономерные связи между планом выражения и планом содержания фразеологической единицы.

5. Проследить степени фразеологизации неоднословного выражения.
6. Выявить факторы, способствующие закреплению неоднословного выражения в узусе.

Материалом исследования послужили фразеологические единицы общенародного языка, а также диалектные и социолектные единицы. В качестве основного источника общенародного фразеологического материала использовался «Словарь-тезаурус современной русской идиоматики» А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. Выбор именно этого словаря в качестве основного источника объясняется стремлением увидеть современные процессы в общенародной фразеологии. При необходимости мы обращались к ряду других лексикографических изданий. Диалектный материал преимущественно извлекался из лексической картотеки топонимической экспедиции УрФУ, в работе которой на протяжении 14 лет принимал участие и сам автор, а также диалектных словарей, в том числе собственно фразеологических. Социолектный материал получен в ходе наблюдений за речью малой социальной группы. Сбор материала осуществлялся методом фронтального просмотра письменных источников, а также методом включенного наблюдения (для социолектного и – точно – для диалектного материала). Использование метода включенного наблюдения позволило проследить функционирование единиц в дискурсе, а также выявить семантику устойчивых единиц, которые не были описаны в словарях.

Научная новизна работы заключается, прежде всего, в выявлении тематической специфики фразеонимикона как в плане выражения, так и в плане содержания ФЕ. Безусловно, в научной традиции есть богатый опыт тематического описания фразеологического материала, однако чаще исследования и лексикографические работы такого рода сосредоточены на какой-либо тематической группе [см. напр., Алексеенко и др. 2004; Кузнецова, Мокиенко 2014; Солодилова, Вятчина 2005; и др.]. Сопоставительный анализ тематико-идеографического своеобразия фразеологии общенародного языка и диалекта позволяет вычлнить наиболее значимые тематические сферы для этих двух форм

существования языка, а также описать особенности в восприятии тех или иных идеограмм в сознании разных типов культур. Внимание к новейшему диалектному материалу советского и постсоветского периодов позволяет делать некоторые выводы о процессе фразеологизации и образовании новых идеограмм и выборе новых образов для их номинации. Вводится в научный оборот новый диалектный и уникальный социолектный фразеологический материал, собранный путем длительного включенного наблюдения.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом в теорию фразеологии: разработкой методики выявления тематико-идеографического своеобразия фразеологии, учитывающей связь между планом выражения и планом содержания ФЕ; рассмотрением аспектов взаимоотношения между ПВ и ПС фразеологической единицы; анализом материала, находящегося на периферии фразеологического фонда языка; анализом источников фразеологического состава и факторов, влияющих на закрепление единицы в узусе.

Способ классификации может быть использован и на ином фразеологическом материале для выявления особенностей значимых для того или иного языкового сообщества идеограмм и особенностей их репрезентации. Выявленные тенденции во взаимоотношении между ПВ и ПС единиц свидетельствуют о некоторых когнитивных особенностях носителей языка, способах концептуализации знания о мире.

Практическая значимость исследования определяется возможностью использования результатов в научно-педагогической деятельности при разработке курсов по социолингвистике, фразеологии, ономастике, стилистике, психоллингвистике, в обучении русскому языку как иностранному; введением в научный оборот нового диалектного и социолектного фразеологического материала; анализ факторов, влияющих на закрепление единиц, а также изучение фразеологических модификаций могут использоваться для конструирования высказываний, рассчитанных на запоминание, например, рекламных слоганов.

Методология и методы исследования. Для анализа материала использовались дедуктивно-эмпирический (выдвижение гипотезы о некоторые тенденциях в соответствии между планом выражения и планом содержания ФЕ) и индуктивно-эмпирический (выделение групп ФЕ, классификация материала) методы. При разработке классификаций использовался также описательный метод. Интерпретация материала требовала, помимо общенаучных методов обобщения, сравнения, комментирования и проч., включения элементов историко-лингвистического и социолингвистического методов для соотнесения языковых фактов с социальным и культурно-историческим контекстами, метода структурного анализа для определения места фразеологических «маргиналий» в системе языка, этимологического анализа для установления и верификации внутренней формы ФЕ.

Степень достоверности результатов определяется объемом собранного и проанализированного материала: 455 диалектных единиц, 862 единицы общенародного фонда, 61 устойчивая единица, используемая малой социальной группой.

Апробация результатов исследования прошла на международных и всероссийских научных конференциях, среди которых: Международная научно-практическая конференция «Фразеологизм и слово в художественном, публицистическом и народно-разговорном дискурсах» (Кострома, 2016), XLV Международная филологическая конференция (Санкт-Петербург, 2016 г.), Международная конференция молодых филологов (Тарту, 2016), III международная научная конференция «Этнолингвистика. Ономастика. Этимология» (Екатеринбург, 2015), всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 80-летию доцента кафедры русского языка Клавдии Николаевны Прокошевой (Пермь, 2014 г.), всероссийская научная конференция с международным участием Вторые Громовские чтения «Русские народные говоры: прошлое и настоящее» (Кострома, 2014 г.), а также на заседаниях проблемной группы кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации «Язык и мир». По теме диссертации опубликовано 13 работ, 4 из них

в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК и Аттестационным советом УрФУ.

Положения, выносимые на защиту:

1. Фразеология формируется в дискурсе, избирательно заполняя номинативные лакуны, преимущественно ориентируясь на номинацию специфических ситуаций, отмеченных особой экспрессивностью. Таким образом создается тематико-идеографическая область языка, наиболее актуальная для создания фразеологии.

2. Фразеологически продуктивная тематико-идеографическая область является в целом различной для разных форм существования языка, однако диалектная фразеология и фразеология общенародного языка, формируясь параллельно, обнаруживают сходство значимых идеограмм при разнице по шкале конкретности – абстрактности, материальности – нематериальности. В то же время фонд устойчивых единиц, используемых социальными микрогруппами, формируясь на базе общенародного языка, скорее дополняет его.

3. Существует тяготение фразеологических идеограмм к выражению через образы определенных тематических сфер. Можно говорить о грамматической и образной модельности, присущей фразеологии общенародного языка и диалектной фразеологии в силу преемственности традиции употребления.

4. Факторами, влияющими на закрепление фразеологической единицы в узусе, служат востребованность обозначаемой единицей идеограммы, а также актуальность используемого образа.

5. Дополнительным фактором закрепления выражения в диалектной фразеологии и фразеологии социальной микрогруппы служит чувство корпоративной идентичности участников данного микросоциума. В социолекте такое чувство формируется за счет фразеологизации высказываний значимых для группы людей, в диалекте – путем включения в состав фразеологизма обозначений местно значимых реалий.

6. Основной тенденцией, наблюдаемой в процессе вхождения образного неоднословного сочетания в узус, является его сокращение, способствующее

абстрагизации и развитию способности обозначать большее количество ситуаций. При этом фразеология социальных микрогрупп «неохотно» расстаётся с многословной формой, поскольку это препятствует узнаванию фразы-первоисточника.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обозначены объект, предмет, цель и задачи исследования, обосновывается его актуальность и новизна, описываются основные методы и процедуры анализа, описывается специфика материала и его источники, приводится обзор литературы по изучаемой проблематике, определяется структура работы.

Первая глава «Фразеологические единицы: состав и взаимодействие в системе языка» посвящена рассмотрению теоретического аспекта и касается определения объема ФЕ (в рамках данной работы) и вопроса выделения универсальных параметров фразеологии.

В *параграфе «Параметры фразеологической единицы и состав фразеологии»* рассматриваются дифференциальные признаки ФЕ, отличающие ее от лексем, свободных словосочетаний и речений; на основании полного или частичного удовлетворения единиц данным признакам выделяются ядерная и периферийная зоны фразеологии. Приводятся точки зрения различных ученых касательно отнесения тех или иных единиц к фразеологическому объему. Из трех основных параметров фразеологизма (неоднословность, устойчивость, идиоматичность) ведущим признается идиоматичность, дополнительными – образность и экспрессивность. Таким образом, в поле внимания попадают единицы «ядерной» зоны фразеологии – идиомы и фразеологические обороты, крылатые слова, соответствующие словосочетанию, а также устойчивые сравнения, не допускающие лексикализации. Выделение именно таких ведущих параметров обусловлено сосредоточением на особой связи между планом выражения и планом содержания ФЕ, при которой образ конкретной ситуации может становиться выразителем абстрактного свойства множества ситуаций.

Такой особенности нет у паремий, обладающих оценочно-морализаторской функцией, нет ее и у серийных образований, неоднословных союзов, сочетаний со служебным словом и иных видов единиц. Включение же в состав исследуемых фразеологических единиц крылатых слов, соответствующих словосочетанию, обусловлено их использованием в речи независимо от известности говорящему прецедентного текста.

В параграфе *«Динамика фразеологических единиц»* рассматривается взаимодействие ядра фразеологического состава с периферийными зонами, а также другими уровнями языковой системы и внеязыковой действительностью

Паремии и сравнительные обороты рассматриваются как источник фразеологии в том случае, когда происходит сокращение паремии, а сравнительный оборот несет в себе обязательное и устойчивое основание сравнения. В случае взаимодействия фразеологии с лексикой возможны противоположные процессы лексикализации фразеологизма (баклушничать; небокоптителъ и т. п.) и разворачивания лексемы в устойчивую неоднословную единицу (*молоть* > диал. *молоть как мельница*). На уровне текста взаимодействие также может быть направлено в обе стороны. С одной стороны, может происходить компрессия смысла текста в одно высказывание, становящееся крылатым выражением и являющееся как бы репрезентантом всего текста или значимой его части. С другой стороны, фразеологизм может становиться основой для создания текста либо его части (как это происходит, например, в случае авторских модификаций, когда текст представляет собой языковую игру, создающую своего рода намек на ФЕ) [см. Архангельская 2012; Божко 2007; Ваба 2009 и др.].

Параграф *«Специфика отношений между образом и семантикой ФЕ и фразеологическая идеография»* посвящен обоснованию применения понятия «идеограмма» к фразеологическому материалу и целесообразности разработки и построения тематико-идеографической классификации ФЕ. Доказывается необходимость составления идеографической сетки понятий, выражаемых при помощи ФЕ, не предписательно, на основе предшествующих

логических умозаключений о структуре мира, а описательно, исходя из языкового фразеологического материала.

В рамках данной работы основной интерес исследования сосредоточен в области «внеязыковая действительность – фразеологизм». Единицей презентации внеязыковой действительности в работе принята идеограмма, т. е. вербализуемое (в данном случае посредством ФЕ) знание о реалии.

Во второй главе (**«Тематико-идеографическая систематизация диалектного и общенародного фразеологического материала»**) предлагается попытка выявления тематико-идеографического своеобразия фразеологического материала. Идеографическое содержание фразеологии предстает как сеть идеограмм, заполненных ФЕ и организованных по тематическому или полемому принципу. Под термином «фразеосемантическое поле» понимается совокупность фразеологических единиц, объединенных общим семантическим признаком [Сабурова 2002: 82; см. также Синельникова, Андросова 2014: 123]. Иерархические отношения, обычно подразумеваемые как неотъемлемая принадлежность идеографической системы, в данном случае не имеют реализации на собственно фразеологическом уровне: поскольку ФЕ не вступают в родовидовые отношения, идеограмма, обозначающая определенную тематическую сферу или ее подраздел будет выражена лексически. Таким образом, все элементы (выраженные ФЕ) обладают равным статусом, однако объединение их в подгруппы группы и более крупные таксономические единицы происходит путем выделения и лексического (не-фразеологического) обозначения идеограмм.

Учет «двуситуативности» ФЕ (при которой одна ситуация является номинируемой, а другая представляет собой образ, посредством которого происходит номинация) приводит к возможности классифицировать материал, выделяя единое основание образности как для ПВ, так и для ПС. Такая концепция классификации, как представляется, позволяет выделить, с одной стороны, наиболее важные для фразеологической номинации идеограммы, с другой – образы и ситуации, посредством которых происходит номинация.

На основании анализа диалектной фразеологии нами выделяются 4 тематические сферы, присутствующие как в номинируемых объектах и ситуациях, так и в образности ФЕ: 1. Пространство. 2. Время. 3. Социум. 4. Материя. Таким образом, каждый план содержания может быть выражен через четыре образные группы плана выражения.

Основным материалом классификации послужили ФЕ, зафиксированные в говорах Костромской области. Диалектный материал подается на фоне фразеологии общенародного языка. Целью такой подачи является выявление наиболее значимых идеограмм, заполняемых и той, и другой формой существования языка, а также поиск уникальных для каждой из них идеограмм и способов выражения.

Четыре параграфа данной главы связаны соответственно с названными тематическими сферами.

В тематической сфере «**Пространство**» общим комплексом идеограмм для фразеологии диалекта и общенародного языка является обозначение большого или малого расстояния по вертикальной или горизонтальной оси (костр. *шапка на голове не усидит* ‘о высоком лесе’; костр. *заяц разбежится да перескочит* ‘о чем-либо небольшом по размеру – *семь вёрст до небес [и все лесом]*; *рукой подать*). Для диалекта, кроме того, оказываются значимыми антропоцентричные качества пространства, его характеристики, значимые с точки зрения прагматики: ровность или неровность (костр. *хоть яичко кати* ‘о ровной поверхности’), незавершенность направления (костр. *татарская дорога* ‘глухая, никуда не ведущая дорога; дорога без «конечного пункта»’), разнородность (костр. *один с Борку другой с Дорку* ‘о людях из разных мест’), пространственные особенности одежды (костр. окт., пав. *суббота дольше воскресенья* ‘об одежде, выступающей из-под другой’) и т. п.

Идеограммы тематической сферы «**Время**», номинируемые фразеологически, оказываются в большинстве своем общими для литературного языка и диалекта. Это идеограммы чрезмерной длительности (костр. *через Шпердиху*

ходить 'о долгом отсутствии того, кого ждут' – *в час по чайной ложке*), темпоральной отдаленности (костр. *при царе косаре* 'очень давно' – *много воды утекло*), ирреальности (костр. *когда рак на Акуловой горе свистнет* 'никогда' – *после дождичка в четверг*) и возраста (костр. *ехать с дальней пожни* 'жить вторую половину жизни – *на том свете с фонарями ищут*). В образном же плане диалектные ФЕ в ряде случаев соотносятся с единицами литературного языка.

Ряд идеограмм тематических сфер «**Материя: человек**» и «**Социум**», являясь в целом едиными для общенародного языка и диалекта, имеют разницу в степени конкретности «привязки». Более общим охватом, абстрагированностью от конкретной ситуации в общенародном языке обладают идеограммы *боли* (если в общенародном языке фразеологизмы представляют собой образные описания проявлений боли вообще¹, то в диалекте фразеологизмы с «болевым» значением представляют собой, скорее, номинации разных локализаций боли – в спине², плечах, головной); *сравнения* (в диалектной фразеологии сравнение проявляется в конкретной сфере трудовой деятельности); *количества* (в диалекте фразеологизмы с количественной семантикой имеют тематическую сочетаемость, обозначая большое количество сказанного, большое количество еды³ и т. п.); *статуса* (при более абстрактных идеограммах «высокий / низкий социальный статус, имеющих в фразеологии общенародного языка⁴, диалект представляет довольно большой перечень фразеологических номинаций различных конкретных социальных статусов, таких, как 'вдова', 'внебрачный ребенок', 'женщина, от которой ушел муж' и т. д.). Соответствие подобного рода также наблюдается между идеографической областью «изменения ситуаций» (в диалекте) и «бытие, процессуальность» (в общенародном языке). На основании этого представляется возможным говорить о большей

¹ Напр., *света (белого) невзвидеть*.

² Напр., костр. *Антон (в спине) закуривает* 'о боли в спине'.

³ Ср.: костр. *четвергов с неделю* (наговорить, намолоть) 'много наговорить'; *хоть косою коси* 'о множестве грибов' – *хоть пруд пруди*.

⁴ Напр., *ноль без палочки*.

социальной ориентированности диалектной фразеологии, стремлении обозначить понятия и явления, непосредственно важные в социальном взаимодействии. Это же подтверждает и область фразеологических номинаций, обширно представленная в диалекте, но получающая нулевую реализацию в литературном языке: область материальных объектов и природных явлений.

Формируясь исторически параллельно и во взаимодействии, фразеологические системы общенародного языка и диалекта в плане содержания представляют, скорее, единый комплекс с различной расстановкой акцентов по степени конкретности, ситуативной привязанности – и абстрактности, ситуативной отвлеченности.

В третьей главе (**«Формирование плана выражения фразеологических единиц (на примере диалектных ФЕ)»**) происходит обращение к образной сфере, дающее представление о наиболее употребительных ситуациях и тематических сферах плана выражения, через которые происходит описание значимых идеограмм, и позволяет предположить ряд путей, по которым идет формирование ФЕ.

В качестве материала используется только диалектная фразеология, поскольку особенности функционирования и фиксации единиц, позволяют проследить динамичность фразеологической системы как в интралингвистическом разрезе, в виде вариативности единиц, ступеней их перехода от прямого значения к идиоматическому; так и в экстралингвистическом, предполагающем существование языковой реакции на изменения окружающей действительности.

В первом параграфе *«Образность ФЕ»* происходит описание образной сферы фразеологии, построенное на той же модели членения на сферы *«Пространство»*, *«Время»*, *«Материя»* и *«Социум»*. Такое единообразное деление как ПС, так и ПВ обусловлено двуситуативностью фразеологизма, предполагающей возможность одинакового подхода в классификации. Рассматривается, в какие семантические сферы *«переходят»*, те или иные группы образов,

а также какие образные группы являются наиболее плодотворными для формирования фразеологического ПВ.

Пространственная семантика может трансформироваться в область времени (ФЕ со значением долгого отсутствия⁵) и ментальную сферу⁶.

Местнозначимые топонимы несут функцию «освоения» объектов как материального мира, так и языковых, придавая им чувство известности, вписывая их в знакомый микромир диалектоносителя.

Выделяется несколько моделей ФЕ с использованием топонимов: а) глагол со значением перемещения / намерения перемещения + топоним, обозначающий кладбище ‘умереть’; ‘быть близким к смерти’; б) название крупного города, значимого в данной местности + видать/видно ‘о жидком чае или пустом супе’.

Некоторые из ФЕ представляется возможным связать с довольно старыми заговорными текстами и, таким образом, предположить их солидный «возраст» существования в языке и диалектном узусе.

Анализ образного плана ФЕ выявляет характерное для культуры деление пространства на «свое»-социальное, очеловеченное – и «чужое»-природное. Выражения типа костр. *как в лесу расти* ‘о малообразованном, темном человеке’ передают идею необразованности, непросвещенности через образ прохождения социальных по сути процессов в «неправильном», «диком» природном пространстве, что и является причиной слабой культурной развитости человека. Также представление о природном пространстве как враждебном для человека сохраняется и проявляется в единицах с образом «поглощающего» естественного пространства (костр. *провалиться в камский мох* ‘пропасть, исчезнуть’, костр. *как в воду повалиться* ‘упасть навзничь’).

В образной сфере «**Время**» наиболее активно используются дни недели. Во фразеологической образности проявляется его жесткая однонаправленность, заданная последовательностью отрезков. Это свойство служит базой

⁵ Напр., костр. *через Шпердиху ходить* ‘о долгом отсутствии того, кого ждут’.

⁶ Напр., костр. *у тебя брат на Якшанге* ‘о бестолковом человеке’.

для возникновения ФЕ с общим значением неправильности: внешнего вида (костр. *суббота дольше воскресенья*, костр. *семь пятниц* ‘о неряшливо одетом человеке, у которого одна одежда торчит из-под другой’); качества речи (костр. *четвергов с неделю (наговорить, намолоть)* ‘много наговорить’); социального статуса (костр. *муж в Петров день об лёд убился* ‘об отсутствии законного отца ребёнка). Членение времени на отрезки позволяет ему также фигурировать в образной сфере в качестве меры – времени (костр. *жить осталось два понедельника* ‘о близкой смерти’); объема дел (костр. *работы до субботы* ‘о большом количестве дел, хлопот’).

Сферы «Социум» и «Материя» предлагают наибольшее количество исходных образов, таких, как ритуальные действия (костр. *дочку взамуж выдать* ‘развести молоко содой’), ситуации, связанные с бытовым трудом (костр. *через сноп молотить* ‘выходить замуж / жениться раньше, чем старшая сестра или старший брат’); еда (костр. *квашня неуквашенная* ‘о неловком человеке’), хозяйственные постройки (костр. *три хлева да баню* ‘о большом количестве чего-либо’), одежда, обувь (костр. *и в Москве в лапоть звонят* ‘о ком-, чем-л. широко известном’), жесты и действия (костр. *как руки вымыть* ‘о каком-либо деле, удачно, легко и быстро прошедшем’) и др.

Второй параграф «Вариативность образности диалектных ФЕ» посвящен диалектным единицам, обладающим структурным сходством с единицами литературного языка. Как представляется, такие единицы принадлежат общенародному фонду и являются результатом разных путей формирования ФЕ в литературном языке и диалекте. Рассмотрение таких единиц позволяет, получить представление о некоторых механизмах образования фразеологизмов.

Рассматривается вариативность плана выражения, при которой отношения слова-образа в диалекте и литературном языке различны (рус. коми *только бус стоит* ‘очень быстро (бежать и т. п.)’ (ср.: *только пыль стоит*; рус. коми *сквозь иглу пролезет* ‘о хитром, пронырливом человеке, который любыми средствами добьется всего, что ему нужно’ (ср.: *пролезть сквозь*

игольное ушко); влг. *молчать как рыба в пироге* ‘быть молчаливым, неразговорчивым’), вариативность семантики, при которой ПС диалектной и литературной единиц различаются при совпадении ПВ, поскольку, как представляется, происходит переосмысление народным сознанием внутренней формы общенародного фразеологизма, «оживление» ее и наполнение иной семантикой (костр. *не по две горошки на ложку о небогато живущей семье* (ср.: ‘о невозможности получения двойной выгоды’)). Рассматриваются случаи контаминации ФЕ (костр. *семь пятниц* о неряшливо одетом человеке (< *семь пятниц на неделе* + *из-под пятницы суббота*)), а также ряд фразеологизмов, где изменения плана выражения и семантические подвижки дополняют друг друга.

В третьем параграфе «Образование новых фразеологических единиц» приводится анализ динамической картины образования фразеологии: рассматриваются диалектные фразеологизмы, возникшие в XX–XXI вв. В хронологическом порядке рассматриваются единицы, относящиеся к периоду революции и гражданской войны (костр. *комиссарская еда* ‘сытная, вкусная еда’), постреволюционному времени (костр. *красный сват* ‘агитатор’), периоду ВОВ (костр. *кукольные дети* ‘дети, выросшие в голодные годы, питавшиеся в детстве куколом’), постсоветскому периоду (костр. *пелёвный чай* ‘чай в пакетиках’).

Реалиями, получающими диалектную фразеологическую номинацию, становятся: новые технологические процессы сельского хозяйства; должности и статусы; предметы быта. Для диалектов XX в. характерно использование штампов начала советского периода, фразеологизация знаковых текстов (перм. *пролетария всех стран* ‘о бойком, проворном, не обремененном делами человеке’), стремление к наукообразности (псков. *показать аннексию* ‘ответить ударом на удар, дать сдачи’). Наименования новых реалий осмысляются и переосмысляются, становясь базой для переносных и фразеологических номинаций; привычные реалии быта, духовной сферы, мифологии используются

для обозначения появившихся объектов. При этом существенно активнее используется номинация, которую можно обозначить как «регрессивная» (при которой новые лексемы и ФЕ используются для обозначения уже известных идеограмм), нежели «прогрессивная» (номинация новых идеограмм через известные образы).

В четвертом параграфе «Анализ степеней идиоматизации диалектных ФЕ с онимом или отонимическим компонентом в плане выражения» на примере указанных единиц выделяется ряд «степеней» фразеологизации. Так, находящимися на начальном этапе следует считать выражения, в основе которых лежит сопоставление с конкретным реальным объектом действительности по определенному параметру. Их нельзя назвать фразеологизмами в полном смысле термина, поскольку идиоматичность здесь практически отсутствует, свойство сопоставления и используемый образ прозрачны, а количество ситуаций, в которых может быть употреблено выражение. К этой группе относятся устойчивые сравнения с местноизвестными юродивыми (напр., *нарядиться как Евлога* ‘о неопрятно, неаккуратно одетом человеке’).

В качестве второй ступени обозначаются две группы: выражения-эвфемизмы, в которых конкретный образ используется уже для выражения более абстрактной идеи, однако все еще является весьма прозрачным и не допускает развития значения (костр. *пойти в Дедюлино* ‘пойти к черту’); а также выражения, построенные на распространении ключевого слова, где идиоматичность задается переносным значением опорного слова (прикам. *молоть как Шамарина мельница* ‘говорить быстро, болтать’).

Следующий этап представляют устойчивые сочетания, в которых исходная ситуация является четко читаемой, однако происходит расширение значения (прикам. *через Кунгур да в Осу* ‘о сделанном крюке на пути, неправильном объезде’).

Высокую степень фразеологизации демонстрируют выражения, в которых исходный образ понятен, однако семантика выражения подверглась существенному переосмыслению и не вытекает напрямую из буквального значения

словосочетания (влг. *вологодское видать* ‘о слабо заваренном чае’), и тем более выражения, в которых исходный образ является затемненным в силу угадания знания либо представлений о нем (перм. *Агапин чай* ‘чай некрепкой заварки’).

Проанализированный материал позволяет предположить ряд путей, по которым идет создание фразеологической единицы. В самом общем виде можно выделить интралингвистический и экстралингвистический пути образования.

При интралингвистическом способе катализатором для формирования единицы служит какой-либо факт языка. Выделяются:

1. Переносное значение одного из слов, составляющих ФЕ (костр. *татарская дорога*).

2. Разворачивание слова в ФЕ (костр. *боронить* ‘болтать, врать’ > *борону наговорить* > *наговорить борону и чужую сторону*).

3. Звукоимитация (костр. *идти как рубль пять*).

4. Наведение словом: слово из описания ситуации служит опорой для создания образа плана выражения (напр. костр. ‘семь раз совершить coitus’ > *семерики сплести*).

5. Наведение другой прецедентной единицей (*жена не лапоть, с ноги не сбросишь* > костр. *тапки беспятые*).

6. Рифма (перм. *дура из Кунгура*).

Экстралингвистический путь подразумевает, что для образования ФЕ происходит обращение не к языковой единице, а к внеязыковой комплексной ситуации. Таковые ситуации можно разделить с точки зрения плана выражения на ФЕ, действующие в образности реальную ситуацию и ФЕ с ПВ, основанным на ирреальной ситуации. Отношения, которыми связаны ПВ и ПС фразеологизмов, являются различными для каждой из этих групп.

Отношения, связывающие ПС и ПВ единиц, действующих образность реальных ситуаций, могут быть следующими:

1. Ситуация, лежащая в основе ПВ, представляет собой типичную ситуацию, в которой проявляется свойство, описываемое в ПС (напр. костр. *как шти пролить* ‘внезапно, неожиданно случиться чему-нибудь с человеком’).

2. Ситуация, лежащая в основе ПВ, «иллюстрирует» описываемую ситуацию, является потенциальной для проявления свойства ПС (напр. костр. *хоть яичко кати ‘о ровной поверхности’*).

3. Ситуация, лежащая в основе ПВ, является причиной ситуации ПС (напр. костр. *боженька ночевал ‘о хлебе с отошедшей коркой’*).

4. Ситуация, лежащая в основе ПВ, является следствием ситуации ПС (напр. костр. *шапка на голове не усидит ‘о высоком лесе’*).

5. Собственно метафорические отношения ПВ и ПС, сравнение характеризующей ситуации / характеризуемого объекта с иным по какому-л. параметру (сюда относятся, в первую очередь, все сравнения с местнозначимыми людьми).

6. Перенос ситуации из сферы человеческих отношений в сферу вещей и наоборот (напр. костр. *дочку взамуж выдать ‘развести молоко содой’*)

ФЕ единицы, имеющие в основе ПВ ситуацию ирреальности, представляют собой меньшую часть фразеологического фонда и могут быть классифицированы в соответствии с указанными выше четырьмя тематическими сферами.

Четвертая глава **«Особенности фразеологизации единиц, используемых малой социальной группой»** посвящена наблюдениям за устойчивыми сочетаниями, бытующими в речи двух малых социальных групп, объединенных хобби.

В первом параграфе *«Устойчивые выражения, используемые МСГ»* представлена 61 единица, зафиксированная в речи участников групп, приведены контексты употребления, информация о происхождении и функционировании.

Во втором параграфе «Идеография устойчивых выражений, используемых МСГ» анализируется тематико-идеографическое своеобразие таких единиц. При сравнении идеограмм, заполняемых фразеологией данных МСГ, с идеограммами фразеологии общенародного языка можно выделить некоторое количество таких, которые являются общими для фразеологии общенародного языка и фразеологии МСГ (напр., 'усталость': *язык на плечо – устать как лось-80*; 'выпивать': *заливать за воротник – воздавать хвалу Митре*); большая же часть ФЕ, порождаемых МСК, стремится обозначить понятия, которых нет в сетке фразеологии общенародного языка, но которые являются значимыми для данной конкретной группы (напр.: 'совместно проводимый досуг'; 'нечто умозрительное, не имеющее ничего общего с действительностью').

Рассматриваются такие особенности в функционировании фразеологии МСГ, как «миграции» ФЕ из языка одной группы в другую; специфика синтаксического употребления (единицы, используемые МСГ, как правило, не тяготеют к сокращению и сохраняют грамматику, входя в состав предложения); расширение семантики единиц с течением времени; параметры устойчивости; комплексность семантики.

Выделяются следующие ступени фразеологизации единицы:

1. Выражение четко соотносится с ситуацией, значение совпадает с изначальным или близко ему (*устать как лось-80* 'сильно устать').

2. Выражение соотносится с ситуацией, и это соотнесение является важным для понимания значения, но сфера употребления расширяется, семантика несколько меняется (*планета Шелезяка* 'о ситуации полного отсутствия чего-л.: еды, необходимых условий, интеллектуальных способностей и т. д.').

3. Значение выражения слабо соотносится с ситуацией, не соответствует изначальному (*играть в лошадок* 'догонять общественный транспорт'; 'успевать сделать что-либо вовремя, приложив достаточные усилия, но получив удовлетворение от результата')

4. Выражение не соотносится с ситуацией, поскольку нет ее участников, т. е. оно становится полностью языковым фактом (*семь, восемь... но не пятнадцать* 'о чем-либо, удовлетворяющем минимальным требованиям, но не вызывающем восторга').

В **заключении** диссертации излагаются итоги выполненного исследования, рекомендации, перспективы дальнейшей разработки темы.

Наличие идеограмм, общих для всех форм существования языка, а также возможность выделить единые тематические пласты, членимые разными «фразеологиями» чуть отличными способами (напр., количество или социальный статус для фразеологии литературного языка и диалекта) позволяет утверждать значимость идеограммы как фактора, влияющего на фразеологизацию выражения. Другим фактором, влияющим на данный процесс, является понятность внутренней формы, удобство образа ситуации, при помощи которой происходит фразеологическая номинация. Для диалектных и литературных ФЕ можно выделить определенную «модельность», наличие некоторого количества устойчивых структур, обладающих схожим значением (напр., костр. *через Дор на Плаксино*, перм. *через Кунгур да в Осу* 'о «крюке» на дороге'). Во фразеологии диалекта и МСГ факультативным фактором становится также акцент на «освоенности» выделении при помощи фразеологических единиц себя как группы в противовес социуму в целом. Для диалекта он проявляется во включении во ВФ единиц местнозначимого антропонимического или топонимического компонента, которые могут делать единицу понимаемой только для жителей определенного округа (типа костр. *когда рак на Акуловой горе свистнет*). Для фразеологии МСГ такое «освоение» происходит через закрепление реплик значимых для данной группы людей. Также можно констатировать существование довольно большого количества семантических моделей, образованных наличием определенной взаимосвязи между идеограммой и образным планом ее номинации. Так, например, во фразеологии литературного языка в тематической группе успеха и победы наиболее распространенными являются

образы спорта и сфер, близких к нему (морское дело, верховая езда) как областей, где наиболее очевиден успех как выигрыш человека, и где он является целью (*чувствовать ветер в своих парусах; попасть в дамки*). Также активно используется – как самостоятельный или вместе с образами, указанными выше – метафора сохранения равновесия (*удержаться в седле; встать на обе ноги*). Неудача, поражение продолжают в образном плане спортивную метафорику (*сойти с круга*), к которой добавляется образ проигрыша в карточных играх (*остаться при пиковом интересе*).

На основании анализа устойчивых единиц, функционирующих в речи МСГ, а также ряда диалектных единиц основной путь фразеологизации предстает как движение в сторону абстрагизации и постепенного отвлечения от исходной ситуации.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК и Аттестационным советом УрФУ:

1. *Коган, Е. С.* (Рябцева Е. С.) О статусе некоторых устойчивых единиц в речи социальной микрогруппы / Е. С. Коган. // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2018. – Т. 10. № 3. – С. 42–51 (0,95 п. л.).

2. *Коган, Е. С.* (Рябцева Е. С.) Советский и постсоветский периоды в зеркале севернорусской диалектной лексики и фразеологии / Е. С. Коган. // Политическая лингвистика. – 2017. № 4 (64). – С. 108-113 (0,6 п. л.).

3. *Коган, Е. С.* (Рябцева Е. С.) Имя собственное в диалектном фразеологизме: этапы идиоматизации / Е. С. Коган. // Вопросы ономастики. – 2014. – № 1 (16). – С. 122–127 (0,5 п. л.).

4. *Коган, Е. С.* (Рябцева Е. С.) К вопросу о региональных особенностях фразеологии / Е. С. Коган. // Сибирский филологический журнал. – 2012. – № 2. – С. 184–187 (0,25 п. л.).

Другие публикации:

5. *Коган, Е. С.* (Рябцева Е. С.) К вопросу об авторских модификациях фразеологических единиц (на примере творчества М. Щербакова) / Е. С. Коган. // В созвездии слов и имен : сб. науч. ст. к юбилею Марии Эдуардовны Рут / редкол. : Е. Л. Березович (отв. ред.), Т. Н. Дмитриева, Н. В. Кабинина и др. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – С. 344–360 (0,8 п. л.).

6. *Коган, Е. С.* (Рябцева Е. С.) Реальные и ирреальные ситуации как образная основа фразеологизма / Е. С. Коган. // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : Мат-лы III Междунар. науч. конф. Российская академия наук Институт русского языка им. В.В. Виноградова, Институт славяноведения РАН; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 141–143 (0,16 п. л.).

7. *Коган, Е. С.* (Рябцева Е. С.) Ирреальные ситуации как основа образности фразеологизма / Е. С. Коган. // Вторые Громовские чтения. Русские народные говоры: прошлое и настоящее : сб. материалов и исслед. всерос. науч.-практ. конф. Кострома, 17–18 окт. 2014 г. – Кострома : Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова, 2015. – С. 232–236 (0,2 п. л.).

8. *Коган, Е. С.* (Рябцева Е. С.) К проблеме статуса диалектного фразеологизма / Е. С. Коган. // Проблемы лингвистического краеведения : Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию доц. каф. русского языка К. Н. Прокошевой. – Пермь, 2014. – С. 53–58 (0,3 п. л.).

9. *Коган, Е. С.* (Рябцева Е. С.) Бытование устойчивых единиц в жаргоне: фразеологизация как процесс / Д. Ю. Жучков, Е. С. Коган. // *Linguistica Juvenis*. – 2013. – № 15. – С. 61–69 (0,25 п. л. / 0,15 п. л.).

10. *Коган, Е. С.* (Рябцева Е. С.) Фразеологизмы с семантикой смерти в русских говорах / Е. С. Коган. // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : Мат-лы II Междунар. науч. конф.: в 2 частях. Институт русского яз. им.

В. В. Виноградова РАН, Институт славяноведения РАН, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. – С. 49–50 (0,16 п. л.).

11. *Коган, Е. С.* (Рябцева Е. С.) Фразеологизмы-сравнения, характеризующие человека, в костромских говорах / Е. С. Коган. // Национально-культурный и когнитивный аспекты изучения единиц языковой номинации : Мат-лы междунар. науч.-практич. конф. (г. Кострома, 22–24 марта 2012 г.). – Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. – С. 250–252 (0,2 п. л.).

12. *Коган, Е. С.* (Рябцева Е. С.) Нелепый человек в зеркале русской диалектной фразеологии / Е. С. Коган. // Лингвистика смотрит в будущее : сб. науч. трудов молодых ученых-филологов. Выпуск II. Мин-во образования и науки РФ; Вологод. гос. пед. ун-т. – Вологда : Легия, 2012. – С. 113–116 (0, 2 п. л.).

13. *Коган, Е. С.* (Рябцева Е. С.) Региональная специфика народной фразеологии: представления о пространстве и времени в якутских и русских фразеологизмах / Е. С. Коган. // Язык, литература и культура в региональном пространстве : Мат-лы II Всерос. (с междунар. участием) науч-практич. конф., посв. памяти проф. И. А. Воробьёвой. Барнаул, 6–9 октября 2010 г. – Вып. 2. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – С. 80–83 (0,2 п. л.).